

Германия после Холокоста

Спор историков и рождение современной Германии

В конце шестидесятых философ Теодор Адорно недоумевал, как вообще можно писать стихи после Освенцима — всеобщей культурной катастрофы Европы? Однако его современникам было не до категоричностей: дискуссии о Холокосте не стояли на повестке дня в Западной Германии, где политическая радикализация «поколения 68-го года» наталкивалась на упорное молчание родителей о национал-социалистическом прошлом.

Прорыв происходит совершенно внезапно: в 1978 году по немецкому телевидению транслируют американский сериал «Холокост», рассказывающий историю уничтожения вымышленной еврейской семьи Вайсов. Ни процесс над Эйхманом в Иерусалиме, ни суд во Франкфурте над администрацией Освенцима так и не смогли вызвать у немецкого населения подобного по масштабу эмоционального отклика, как это сделала телевизионная мелодрама с Мэрил Стрип в главной роли. Сериал «Холокост» посмотрело более 20 миллионов немцев (примерно половина всего взрослого населения ФРГ), из которых в телестудию с благодарностью позвонили 5 000, а еще 20 000 — отправили письма.

Коллективная реакция немецкого общества

указала историкам, писателям, режиссерам, художникам и журналистам на их место в послевоенной Европе: один американский телесериал сделал больше, чем сотни научных исследований, мемуаров, книг, пьес, фильмов и газетных публикаций. Среди обычных жителей Западной Германии оформился запрос, на который немецкие интеллектуалы не смогли верно ответить. В растерянности последние вступают в восьмидесятые, которые навсегда изменят отношение к национал-социалистическому прошлому и сформируют принципы политических дискуссий на много лет вперед. Важнейшую роль в этих процессах сыграет знаменитый «спор историков».

Никто ни в чем не виноват

Вернемся чуть-чуть назад. Сразу после образования ФРГ и ГДР каждой из двух Германий пришлось вырабатывать свою позицию к недавнему нацистскому прошлому. Под сильным нажимом западных союзников ФРГ признает себя государством-правопреемником Третьего Рейха и соглашается выплатить компенсации Израилю — причем именно последнее вызывает сильное недовольство среди населения Западной Германии. Первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр и правящий Христианско-демократический союз (ХДС) проводят мягкую политику по преодолению прошлого: подчеркнуто дистанцируя свое христианское мировоззрение от национал-социализма, они убеждают немецкое общество, что, в сущности, большинство немцев ни в чем не виновато.

К тому же процессы денацификации проходили не так гладко, как принято считать: и хотя к 1949 году военные суды рассмотрели 3,6 миллионов дел о степени вовлеченности рядовых немцев в преступления национал-социализма, практическое осуществление денацификации чаще всего наталкивалось на низовую враждебность и сопротивление. Опросы общественного мнения вплоть до конца пятидесятых фиксируют: многие западные немцы все еще уверены, что Гитлер — неплохой руководитель, сделавший Германию снова великой. Просто его окружение давало неправильные советы.

Это сегодня Карла Ясперса называют «отцом Германии» — но в послевоенные годы его работа «Вопрос о виновности» (1946), в которой философ вводит важнейшее для преодоления прошлого различие между «коллективной виной» и «коллективной ответственностью», становится поводом для травли. Студенты срывают университетские лекции Ясперса, а коллеги по академии обвиняют философа в предательстве национальных интересов и инициировании всеобщей культуры вины при поддержке НАТО.

В том же 1946 году авторитетный историк Фридрих Мейнеке публикует небольшую работу «Германская катастрофа», где критически пытается проанализировать, как немецкий милитаризм и подбострастное отношение к власти обусловили успех национал-социализма. В книге, написанной с правых позиций, не ставились вопросы о вине и ответственности, скорее, напротив — Вторая мировая война изображалась как неизбежная природная катастрофа.

Тем не менее немецкие историки обвиняют Мейнеке, что он «гадит в собственном гнезде». В этом же году в Баварии открывается Институт современной истории, главной целью которого становится изучение национал-социалистического периода. Показательно, что основными темами для исследований становятся консервативная оппозиция нацистскому режиму и механизмы тоталитаризма. В частности, институт отказывается печатать ставшую сегодня классической работу Курта Зонтхаймера «Антидемократическая мысль в Веймарской республике» (1962) из-за критики историком немецкой консервативной мысли.

Первый перелом

В первое послевоенное десятилетие жители ФРГ не чувствуют своей ответственности за недавнее национал-социалистическое прошлое, в центре их коллективной памяти — погибшие близкие, массовые смертоносные бомбежки войск союзников, уничтожение культурных памятников, депортация немцев из Восточной Европы. В 1956 году выходит роман Хайнца Конзалика «Сталинградский врач», который расходуется двухмиллионным тиражом и пользуется необычайной популярностью, хотя в книге шаг за шагом воспроизводятся пропагандистские штампы военного времени о честных немецких солдатах и азиатских варварах из России.

Но к этому времени вовсю разворачивает литературную активность «группа 47» — объединение немецких писателей, критически осмысляющее опыт концлагерей, национал-социализма и Второй мировой войны. Среди членов «группы 47» — Генрих Бёлль, Гюнтер Грасс, Мартин Вальзер, Питер Вайс, Ингеборг Бахман. Они сразу получают признание в интеллектуальных кругах, но их книги мало влияют на общественные настроения.

Первый перелом происходит в начале шестидесятых: в немецкой прессе активно освещается процесс над Эйхманом (1961), широко тиражируются показания администрации Освенцима на Франкфуртском суде (1963–1965), выходят роман Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (1959) и пьеса Рольфа Хоххута «Наместник» (1963). Спор вокруг книги историка Фрица Фишера «Рывок к мировому господству» открывает пространство для дискуссии о коллективной ответственности и причастности обычных немцев к преступлениям Гитлера. Впрочем, в официальный дискурс эти проблемы попадают только к концу десятилетия в результате студенческих протестов.

Молодое поколение обвиняло своих родителей в замалчивании проблемных эпизодов немецкой истории и сокрытии своей поддержки тоталитарной власти национал-социалистов. То, что политики-демократы в прошлом состояли в НСДАП, перестает казаться молодежи нормальным. В охваченной экономическим чудом капиталистической Западной Германии многие студенты и интеллектуалы видели немало предпосылок для отката к авторитарной и даже фашистской политике. Главное завоевание этого периода — на официальном уровне начинают обсуждать нацистское прошлое и развивать в национальном самосознании компонент раскаяния. Более того, в школах впервые начинают преподавать историю этого периода.

Важную роль сыграл и приход к власти в 1969 году партии социал-демократов (СДПГ) во главе с Вилли Брандтом, провозгласившими на официальном уровне программу «преодоления прошлого» (Vergangenheitsbewältigung), которая должна была стать основой демократизации немецкого общества. Так раскаяние за преступления, совершенные немцами при национал-социализме, попадает в центр немецкого исторического сознания. Значимым символическим актом становится коленопреклонение Брандта перед памятником героям Восстания в Варшавском гетто в 1970-м.

Жест канцлера воспринимается немецким обществом очень неоднозначно: правые и центристы называют покаяние Брандта «актом капитуляции», а для молодых левых социал-демократ, работающий в правительстве с бывшими нацистами, — предатель социалистических идей. Согласно опросу журнала Spiegel, большинство населения Западной Германии сочло жест канцлера ненужным. Тем не менее поступок Брандта стал важным сигналом для молодого поколения, готового критично воспринимать роль немцев в геноциде евреев и Второй мировой войне. Энергично поддерживали новую историческую политику газета Die Zeit и либеральный еженедельник Spiegel, на страницах которых совсем скоро развернется «спор историков».

Консервативный поворот 80-х

На выборах 1982 года к власти возвращаются христианские демократы во главе с Гельмутом Колем: в первом программном выступлении канцлер объявляет, что собирается провести Западную Германию через «духовное и моральное обновление» и вернуть немцев к традиционным ценностям: церкви, нации и семье. Идеологической платформой нового патриотизма по Колю должна была стать немецкая история, очищенная от чувства вины за двенадцать темных лет национал-социализма. Ее разработкой занялся профессор современной истории университета Эрлангена-Нюрнберга Михаэль Штюрмер — в серии статей для либерально-консервативной

газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung он объяснял, что в немецком прошлом немало эпизодов, которыми можно и нужно гордиться: Реформация, Кант и Гегель, литература романтизма, Отто фон Бисмарк. Чтобы закрепить консервативную повестку в исторической политике, в Западной Германии учреждаются новые музеи, демонстрирующие культурно-политические достижения немецкого прошлого и настоящего.

В 1983 году на конгрессе историков, посвященном 50-й годовщине назначения Гитлера на пост рейхсканцлера, философ и историк Герман Люббе призывает население ФРГ к «всеобщему замалчиванию нацистского прошлого как гражданской обязанности». По мнению Люббе, главный враг Западной Германии — воинственный антифашизм 70-х, ставший благодатной почвой для становления леворадикального терроризма и деструктивного чувства вины.

В качестве реакции на восприятие немецким обществом сериала «Холокост» в 1984 году на немецком телевидении показывают сериал Эдгара Рейца «Родина», в котором с патриотических позиций рассказывается история Германии последнего столетия. «Родина» становится настолько популярной, что 13 серий даже транслируются в кинотеатрах ФРГ. Но Колю и этого мало — в мае 1985 года в ФРГ приезжает Рональд Рейган, который принимает приглашение канцлера посетить не только концлагерь Берген-Бельзен, но и почтить память военнослужащих Вермахта и СС на кладбище в Битбурге. По мысли консерваторов, этот жест должен был символизировать прозападную ориентацию ФРГ в борьбе с коммунистическим блоком. Бурная деятельность Штюмера по выстраиванию новой немецкой идентичности и консервативный поворот, по сути избегающие ответственности за национал-социализм, вызывает у леволлиберальных интеллектуалов настоящую панику.

И вот в такой обстановке профессор истории Свободного университета Западного Берлина Эрнст Нольте публикует в 1987 году работу «Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм», в которой отстаивает тезис о неизбежной победе Гитлера из-за страха немецкого населения перед «большевистской угрозой». К середине восьмидесятых у Нольте сложилась блестящая академическая карьера: учеба у Мартина Хайдеггера, защита диссертации о немецком идеализме и Марксе под руководством Ойгена Финка, международная известность за опубликованную в 60-е работу «Фашизм в его эпоху», место профессора в ведущем университете Западной Германии. Нольте никогда не скрывал своих консервативных взглядов, более того — в немецкой академической среде они всегда считались нормой. Историк решает включиться в газетную дискуссию о новом патриотизме,

инициированную Михаэлем Штюмером. И не в последнюю очередь, чтобы популяризировать свою новую книгу. Однако попытка Нольте легитимизировать через историю собственную политическую позицию станет той самой искрой, из которой разгорится пламя, разрушившее его карьеру и радикально изменившее дискурс о Холокосте.

Спор историков

Эрнст Нольте публикует в газете Frankfurter Allgemeine Zeitung статью «Прошлое, которое не уходит», в которой пересказывает основные тезисы своей новой книги. Он подчеркивал, что немцам не стоит преувеличивать значение геноцида евреев, поскольку преступления национал-социализма меркнут в сравнении с другими преступлениями XX века: красным террором, коллективизацией в Советской России, ГУЛАГом. По мнению Нольте, политика Гитлера во многом была реакцией на реализацию коммунистического проекта в СССР. Расовой войне предшествовала классовая война. А единственная инновация нацистов — газовые камеры и использование «Циклона Б». Нольте заключал, что Гитлер прибегнул к «азиатским злодеяниям», только потому что немцы ощущали себя потенциальными жертвами «азиатских злодеяний» из классовых соображений. Тоталитаризм появился в Советской России, а национал-социализм стал лишь ответом на вызовы времени.

Андреас Хильггрубер, известный историк и профессор Кельнского университета, писал в своих статьях о том же: в серии статей для Die Welt, которые вскоре вышли в виде книги «Двойной закат: Крах германского рейха и конец европейского еврейства», историк отмечал бесстрашие немецкой армии перед лицом «большевистской угрозы». Хильггрубер был уверен, что Третий рейх имел верное представление о враге и представлял общеевропейские интересы, в отличие от стран, сотрудничавших с Советским Союзом. Другой историк, профессор Мюнхенского университета Кристиан Мейер, тоже откликнулся на статью Нольте с одобрением: да, геноцид евреев — уникальное злодеяние, но в те годы концлагеря считались вещью заурядной. Первую открыто критическую статью публикует в газете Die Zeit философ Юрген Хабермас, в которой обвиняет консервативных историков в оправдании Холокоста. Важно отметить, что Хабермас — непрофессиональный историк, и научная истина в этом споре интересовала его в последнюю очередь. Как публичный интеллигент Хабермас стремится делегитимизировать проект нового патриотизма, символом которого стал Коль. Философ уверен, что история не должна служить фундаментом для коллективной самоидентификации в руках правительственных историков, отчуждающей немцев от Запада. Банализация Холокоста недопустима — она снимает проблему коллективной ответственности за систематическое истребление определенной группы людей при молчаливом одобрении большинства. Это травма, которая должна стать в Западной Германии системообразующей при разговоре о прошлом.

Публикация Хабермаса запустила серию статей леволиберальных историков, которые били в ту же цель: консерваторы оправдывают геноцид ради комфортного восприятия истории большинством, в то время как национализм должен оставаться центром немецкого исторического сознания. Холокост — это уникальное явление в мировой истории, поставившее убийство людей на основе тоталитарной идеологии и расовых теорий на индустриальный конвейер. Геноцид евреев, как бы этого ни хотели оппоненты, нельзя считать реакцией на красный террор — еще задолго до ГУЛАГа немецкая колониальная политика в Юго-Западной Африке в начале XX века обрекла на смерть народ гереро, выселенный в безводную пустыню.

В ответ на левую критику Нольте, Хильггрубер и Штюмер занимают оборонительную позицию и еще сильнее радикализируют прежние аргументы — Хабермас и его сторонники плохо знакомы с историей, а идея геноцида изначально отсутствовала в национал-социалистической идеологии. Оппоненты, которые настаивают на коллективной вине немцев, не отдают себе отчета, что их аргументы напоминают

заявления Гитлера о коллективной вине евреев. Обвиняя в политической ангажированности леволибералов, историки-консерваторы, конечно, лукавили — историческая наука в Западной Германии долгое время оставалась во власти консервативной повестки, которая вместо политической позиции считалась естественным порядком вещей.

Впрочем, на стороне консерваторов неожиданно выступает известный историк, влиятельный интеллигент и автор одной из лучших биографий Гитлера — Иоахим Фест. Он согласен, что споры о частностях не снимают вопроса об уникальности Холокоста, но и у обвиняющей стороны есть очевидные проблемы с банализацией преступлений коммунизма. Фест спрашивает, почему «Архипелаг ГУЛАГ» в Западной Германии не оказал такого влияния на левых, как это было во Франции или Италии? Почему левые осуждают войну во Вьетнаме и режим Пиночета, но как будто не замечают Пол Пота. Насколько изменится суть преступлений, если «расу» заменить на «класс», а «евреев» на «буржуазию»? Фест заключает, что моральный импульс левых интеллигентов следует за их убеждениями, а не реальностью, и призывает сообщество историков не вмешиваться в спор.

Тем не менее в споре активно участвует несколько десятков ведущих историков Западной Германии. По ходу развития дискуссии дробится на множество подтем и перемещает в академический фокус такие явления, как авторитарные тенденции в Веймарской республике, преступления Вермахта, повседневность Третьего рейха и сравнительные исследования геноцидов — все те темы, которые прежде практически не развивались в исторических исследованиях Западной Германии. Большинство участников, такие как Генрих Август Винклер, Хорст Меллер, Альф Людтке, Михаэль Вильдт и Петер Шеттлер, сперва участвовали в газетных спорах, а затем опубликовали научные исследования, которые сегодня признаны классическими.

Конституционный патриотизм

Тем не менее движущей силой спора историков оставалась политика, а именно вопрос о возможности «здорового» патриотизма в Западной Германии. Юрген Хабермас предложил немецкому обществу проект постнационального «конституционного патриотизма», связанного с приверженностью универсальным ценностям прав человека, демократии и либеральной свободе. Философ подчеркивал,

что ключевое достижение поколения 1968 года — полная открытость политической культуры Запада, которая смогла преодолеть идеологию «особого пути». Только «конституционный патриотизм» не отчуждает немцев от западной культуры и является единственной альтернативой ревизионизму, возвеличивающему немцев в ущерб другим странам.

Развивая идеи Ясперса, Хабермас делает важнейший для современной политической культуры Германии вывод: европейцы навсегда связаны с тем контекстом, при котором стал возможен Освенцим. Ответственность за Холокост передается следующим поколениям через семейные и географические связи, политические и интеллектуальные традиции. У немцев есть обязательство помнить о страданиях тех, кто был убит их предшественниками. Спор историков — это дискуссия не о научных методах или сущности академического историзма, это разговор о самосознании всей Германии.

Впервые в истории ФРГ за газетной дискуссией интеллектуалов, продолжавшейся на протяжении целого года, пристально следит большинство немцев. Сериалы «Холокост» и «Родина» вывели немецкое общество из долгой спирали молчания к разговору о прошлом. В центре внимания стоял не захват власти нацистами, как это было до середины 80-х, а механизмы массового уничтожения евреев. Несмотря на консервативный поворот в политике, симпатии немцев неожиданно оказываются на стороне леволиберальных историков, а проект «конституционного патриотизма» Хабермаса — единственным выходом из кризиса отношений с прошлым. Распад Советского Союза и падение Берлинской стены только укрепляют в общественно-политическом дискурсе ФРГ представление о коллективной ответственности за преступления нацизма.

Эрнст Нольте из-за серии последующих статей, в которых описывал буквально все происходящее в Третьем рейхе как реакцию на происходящее за пределами страны, был обвинен в ревизионизме Холокоста. Ученый становится изгоем в науке и публичной сфере: университеты перестают приглашать его читать лекции, основные издательства отказываются публиковать его новые работы, а газеты — предоставлять пространство для высказываний. Хилльгрубер умирает в 1989 году. Идеолог нового патриотизма Штюмер уходит из политики и становится популярным журналистом, использующим для исследований свои связи в политической и военной элите ФРГ.

Хабермас же, несмотря на критику слева за излишне прозападную ориентацию, назначается интеллектуалами Западной Германии новым «учителем Германии». Любопытный постскрипtum спору историков делает и популярная культура: в 1990 году в немецких кинотеатрах показывают вдохновленный спором историков фильм «Дрянная девчонка», в котором главная героиня, несмотря на институциональные преграды, исследует нацистское прошлое своего родного города.

Добровольные подручные Гитлера

Окончательный консенсус в политическом дискурсе вокруг ответственности немцев за Холокост закрепляется в конце 90-х, когда после публикации книги американского историка Даниэля Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера» в уже объединенной Германии вновь начинаются дискуссии о преодолении нацистского прошлого. На этот раз в публичные дискуссии с учеными и политиками активно вступают простые жители Германии, причем последние — наиболее радикальны и последовательны в своих интерпретациях наследия национал-социализма.

Основной тезис книги молодого ученого из Гарварда звучит приблизительно так: задолго до прихода НСДАП к власти в немецкой культуре оформилась особая форма антисемитизма, допускающего физическое уничтожение евреев. Холокост не был делом рук нацистского руководства, как привыкли считать исследователи в течение послевоенных десятилетий. Напротив, он опирался на широкую сеть исполнителей и пособников, готовых терпимо относиться к гонениям евреев, поддерживать и участвовать в них. Лишение евреев гражданских прав, депортации в лагеря и их последующие убийства поддерживались большинством населения Третьего рейха. Гольдхаген подчеркивал, что военнослужащие батальонов, осуществлявших уничтожение евреев, не подвергались идеологической обработке и даже чаще всего не являлись членами НСДАП — они были рядовыми немцами, проявившими нечеловеческую жестокость.

Еще до публикации книги на немецком языке «Добровольных подручных Гитлера» большинство немецких интеллектуалов возмущенно выступает против аргументов Гольдхагена: критикуется методология и тенденциозность в выборе фактов, игнорирование всех предыдущих наработок в исследованиях Холокоста и отсутствие научной новизны на фоне большого числа спекуляций. Критика была беспощадной, причем возглавляют ее леволиберальные историки. Однако после выхода перевода книга Гольдхагена становится бестселлером — за следующие три года распродается более 300 тысяч экземпляров научной монографии, а молодой гарвардский доцент

становится национальным героем и символом преодоления нацистского прошлого. Каждый, кто покупал книгу Гольдхагена, показывал, что он «правильный немец», который готов нести ответственность за преступления нацизма. Под неумолкающую критику профессиональных историков, автор «Добровольных подручных Гитлера» проезжает с турне по Германии с серией публичных лекций.

Активный участник спора историков и член социал-демократической партии Ганс Моммзен писал, что основной тезис Гольдхагена нежизнеспособен — у немцев отсутствовала сильная ненависть к евреям, а нацистский режим последовательно старался избегать публичных скандалов, связанных с окончательным решением. По его мнению, американский ученый зря сбрасывал со счетов бюрократическое мышление как одну из основных причин масштабов Холокоста. Юрген Хабермас с недавним союзником не соглашался и был уверен: резонанс вокруг книги Гольдхагена ожидаем — объединенное немецкое общество ждало внятного объяснения темного периода своей истории. С этой задачей историки и интеллектуалы вновь не справились. При всех недостатках работы она помогла окончательно оформить и закрепить в Германии верный подход к нацистскому прошлому, считал философ.

Консенсус и табу

Уже через несколько лет после спора историков и дискуссии вокруг книги Даниэля Гольдхагена стало ясно: преодоление наследия темного времени немецкой истории привело не только к позитивному эффекту — признанию большинством населения Германии своей коллективной ответственности за геноцид евреев. Спор историков о статусе Холокоста неожиданно обернулся жестким нормированием публичного дискурса о Второй мировой войне. Активный участник спора историков консервативный историк Герман Люббе в своей недавней работе «От товарищей по партии к гражданам государства» (2007) признается: хорошо бы, чтобы спора историков не было вообще. Сегодня историки, интеллектуалы, политики и рядовые немцы сторонятся любых высказываний, которые выходят за пределы консенсуса о коллективной ответственности за Холокост. Любое нарушение установленных границ табуируется и считается недопустимым. Вместе с консенсусом о геноциде в общественно-политический дискурс Германии пришла «мораль», используемая как средство политической дисквалификации. По мнению Люббе, благодаря спору историков, Холокост закрепился как учредительное событие немецкой политики и приобрел характер гражданской религии, которая ограничивает свободу мысли и поступков.

В этом смысле действительно показателен пример писателя Мартина Вальзера, который в 1998-м читает публичную речь с критикой репрезентации разговоров о нацистском прошлом в медиа. Вальзер попытался объяснить немецкому обществу, что упреки в недостаточном раскаянии за преступления Холокоста стали политическим оружием и способом повысить рейтинги СМИ. Дежурные политкорректные высказывания о Третьем рейхе — это еще не полное принятие ответственности. Надо ли говорить, что после этого выступления Вальзеру так и не удалось очистить свою репутацию от обвинений в антисемитизме.

Вслед за Вальзером другой немецкий писатель Винфрид Георг Зебальд предположил: именно позиция обличителей объясняет последовательные неудачи немецких интеллектуалов в их попытках выстроить «правильные» отношения между прошлым Германии и ее населением. Более того, не историки или социальные ученые несут ответственность за сохранение коллективной памяти о катастрофе Холокоста, а писатели. Зебальд уверен, что только художественная литература была способна дать голос мертвым, поместить их в общий культурный фон Германии и сформировать верное отношение к прошлому. В сборнике эссе «Естественная история разрушения» Зебальд убедительно доказывает, что вплоть до сегодняшнего дня вся послевоенная немецкая культура скорби и воспоминаний основывается на национальном нежелании помнить и признавать вину за поддержку режима Гитлера. И итоги спора историков только сильнее закрепили молчание.

Ответственность за это Зебальд возлагает на немецкую литературу, которая, вместо описаний военных ужасов, принялась обелять себя и корректировать собственную биографию. Даже романы Бёлля для Зебальда — конформистские. В результате умолчания и политкорректности возникает ситуация, когда внеконсенсусные эпизоды трагического прошлого становятся табу, будь то бомбежки немецких городов войсками союзников, депортация немецкого населения из Восточной Европы, репрессии в отношении коммунистов, изнасилования немок и так далее.

С другой стороны, Зебальд подчеркивает, что Холокост — это предельный опыт, выходящий за границы человеческого существования, для которого невозможно подобрать адекватный язык. Поэтому писать о нем имеет право лишь тот, кто пережил его: например, Жан Амери, Виктор Франкл, Primo Levi. Остальное — это «индустрия Холокоста», которая поддерживает консенсус вокруг всеобщего нежелания помнить.

Литература, а не история должна и способна дать голоса всем: как жертвам концлагерей, так и жертвам ковровых бомбардировок. Такие нарративы не взаимоисключают друг друга, а сосуществуют параллельно. Когда Зебальд высказал эту простую мысль, случился бешеный скандал, только доказавший нормирование публичного дискурса.

30 лет спустя

В 2013 году немецкий канал ZDF показал трехсерийный фильм «Наши матери, наши отцы», рассказывающий вымышленную историю о 5 друзьях, которые переживают подъем национал-социализма, Вторую мировую и Холокост. Фильм посмотрело около четверти всего немецкого населения и дало «Нашим матерям, нашим отцам» высокие оценки. Политики, публичные интеллектуалы и историки приветствовали фильм одобрительными заявлениями, сводящимися примерно к следующему: спустя более чем полвека после катастрофы Холокоста и ужасов Второй мировой войны немцы проявляют себя сознательными гражданами, хранящими память о национал-социализме и несущими ответственность за преступления прошлого.

В восторженных отзывах тонула немногочисленная критика. Фильм «Наши матери, наши отцы» — это продолжение стратегии национальной самоцензуры, писал в газете Tageszeitung профессор современной истории Фрайбургского университета Ульрих Герберт. Спустя столько лет немецкое общество продолжает верить в вымысел врожденного антисемитизма и диктатуру бюрократии, попутно политкорректно признавая свою ответственность за Холокост. Но немцы все еще отказываются верить, что в действительности прообразы героев фильма не могли быть всего лишь молодыми людьми, беззаботной жизни которых помешала война. Это было крайне идеологизированное поколение, искренне желавшее победы Германии — победы национал-социалистической Германии.

Сохранено Readeck (<https://readeck.com/>)

<http://192.168.1.58:8000/api/bookmarks/4qSoxcYSQ5HPZJXFgHJDni>

